

Кто совершалъ таинство покаянія въ древней церкви? 1)

Особенности покаянной дисциплины въ церкви, благопріятствовавшій распространію среди мірянъ монастырской покаянной дисциплины.—Сравненіе той и другой.—Разстройство церковной дисциплины на Востокъ.—Невыясненность церковнаго ученія о правѣ вязать и рѣшить.—Иконоборческія времена.—Разладъ іерархіи и монашества (партія студитовъ).—Разладъ подготовлялся давно.—Усиленное вмѣшательство монастырскихъ старцевъ въ дѣло исповѣди и покаянія мірянъ.—Распоряженіе патр. Никифора.—Черты покаянной дисциплины въ иконоборческую эпоху.—Заключеніе.

Исторію покаянной дисциплины въ древней восточной церкви мы начали затѣмъ, чтобы объяснить фактъ исповѣди мірянъ предъ монастырскими старцами и напередъ уже сдѣлали предположеніе, что фактъ этотъ свидѣтельствуешь о томъ, что покаянная дисциплина организована была въ церкви хуже, чѣмъ въ монастырѣ, что въ официальной церкви, если можно такъ выразиться, не хватало тайной исповѣди и покаянія 2). Изложивъ теперь исторію исповѣди и покаянія въ древней церкви Востока, въ особенности же исторію ихъ органа, мы видимъ, что дѣйствительно здѣсь было не мало условий, благопріятствовавшихъ развитію монастырской покаянной дисциплины на счетъ церковной.

И прежде всего покаянная дисциплина въ древней церкви не была однообразною повсемѣстно. Это зависѣло отъ того, что она быстро и живо развивалась и могло бы считаться лишь благопріятнымъ для нея признакомъ. Но это обстоятельство съ другой стороны содѣйствовало наглядному представленію, что покаянная церковная дисциплина не есть

1) Окончаніе, см. мартъ, апрѣль.

2) См. „Исповѣдь мірянъ предъ старцами“, Б. В. 1905, сент. 37 стр.

нѣчто неизбежно однообразное и общеобязательное,—тому, что монашество пошло своимъ, совершенно отличнымъ путемъ въ дѣлѣ выработки покаянной дисциплины, не считаясь, можно сказать, съ тѣмъ, какъ строилась и на чемъ стояла покаянная дисциплина въ церкви.

У тайной исповѣди въ восточной церкви изучаемаго періода не было особаго, спеціальнаго органа, соотвѣтствовавшаго образу „наставника и руководителя“ Климента Александрійскаго или „опытнаго врача“ Оригена. Между тѣмъ тайная исповѣдь есть актъ добровольный по существу и въ первое время, когда институтъ этотъ только возникъ и распространялся въ церкви, было необходимо, чтобы вѣрующій имѣлъ индивидуальнаго духовнаго руководителя, съ которымъ былъ бы связанъ неразрывными узами нравственныхъ отношеній, для того чтобы вѣрующій понесъ ему тайны сердечныя или вѣдомыя только Богу грѣшныя дѣла свои. Монастырская покаянная дисциплина имѣла въ этомъ отношеніи всѣ преимущества: она тѣсно была связана съ институтомъ монастырскаго старца, непосредственно выросла изъ старческаго пастырства. И все то громадное значеніе, которое имѣло старчество въ монастырской жизни, и та великая слава, которую оно стяжало во всей церкви, содѣйствовали процвѣтанію тайной монашеской исповѣди на Востокѣ.

Нельзя также не видѣть, что самые принципы, положенные въ основу церковной и монашеской исповѣди, имѣли разную степень жизненности, что въ концѣ концовъ обуславливало всю исторію покаянной дисциплины въ церкви и въ монастырѣ. Церковь выходила изъ мысли, что она есть общество святыхъ и что христіанинъ долженъ жить безъ грѣха. Наименѣе терпимымъ признавался грѣхъ открытый, затрогивающій достоинство и доброе имя церкви. Вѣрующій долженъ быть прежде всего безпороченъ какъ членъ церкви,—это внушалось всѣмъ укладомъ церковно-покаянной дисциплины. Выдѣлены были лишь три каноническихъ смертныхъ грѣха. II грѣхъ, принуждающій вѣрующаго къ покаянію, церковь представляла экстраординарнымъ явленіемъ. Но это было представленіе, далеко не соотвѣтствовавшее практикѣ, не оправдываемое жизнью. И вотъ почему вся исторія церковной покаянной дисциплины есть исторія ея ослабленія: жизнь всегда была несравненно ниже нормы, требуемой

канонами, и фактически каноны, касающіеся исповѣди и покаянія, никогда не имѣли полной силы въ примѣненіи къ жизни. Это были законы черезчуръ строгіе, почти не выполнимые. Публичность исповѣди и покаянія, рассчитанная на геройство христіанъ эпохи гоненій, становилась трудною, какъ только наступалъ болѣе или менѣе продолжительный миръ церкви, особенно же когда церковь восторжествовала и наполнилась вѣрующими по обязанности. Эта основная черта официальной покаянной дисциплины, свидѣтельствующая о ея формальномъ характерѣ и судебныхъ ея задачахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ знать, что церковь хотѣла удерживать грѣховную волю стыдомъ публичнаго разглашенія преступленій. Но естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что большая часть человѣческихъ грѣховъ, грѣховъ тайныхъ, ускользала отъ контроля церкви, они оставались безнаказанными и неисцѣленными.

Монашество исходило изъ другого, совершенно противоположнаго принципа, который формулированъ преп. Ефремомъ Сиринымъ: „вся церковь есть церковь кающихся, вся она есть церковь погибающихъ“ ¹⁾. Покаянное настроеніе есть нормальное настроеніе каждаго вѣрующаго. Грѣхъ при этой системѣ разсматривается съ точки зрѣнія субъективной, безъ всякаго отношенія къ церковному обществу. Грѣхъ—личная болѣзнь души вѣрующаго и потому заслуживаетъ вниманія во всѣхъ своихъ видахъ, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, не только тогда, когда человѣкъ готовъ умереть второю смертію, но и когда онъ только началъ болѣть,—въ этомъ случаѣ грѣхъ заслуживаетъ можетъ быть большаго вниманія потому, что легче возможно его исцѣленіе. Вотъ почему монашеская исповѣдь охватывала всѣ грѣхи всѣхъ вѣрующихъ, не различая явныхъ грѣховъ отъ тайныхъ, тяжкихъ отъ легкихъ, смертныхъ отъ простительныхъ. Всякій вѣрующій долженъ каяться, потому что каждому грозитъ гибель. Стоя на пониженной точкѣ зрѣнія на силы человѣческой природы, даже возрожденной во Христѣ, монашество сдѣлало еще важный шагъ въ развитіи своей покаянной дисциплины. Оно создало дисциплину болѣе легкую: тайную и всегда добровольную исповѣдь вмѣсто явной и нерѣдко принуди-

¹⁾ Твор. р. п. IV, 181.

тельной и болѣе краткое срокомъ покаяніе. Оно обращало вниманіе не на покаянные подвиги, а на покаянное настроеніе. Въ общемъ дисциплина эта оказалась болѣе жизненной, чѣмъ церковная ¹⁾).

Мы сказали, что жизнь вѣрующихъ была всегда ниже нормы требуемой канонами и послѣдніе фактически никогда не имѣли полной силы въ примѣненіи къ жизни. Уже въ этомъ обстоятельстве лежалъ залогъ *разстройства древней покаянной дисциплины въ восточной церкви*. Но для этого были и другія условія. Главное изъ нихъ—низкіе нравы духовенства.

Извѣстія о разстройствѣ покаянной дисциплины въ церкви начинаются рано. Кромѣ приведеннаго свидѣтельства у историка Созомена (въ разсказѣ объ уничтоженіи должности покаяннаго пресвитера) ²⁾, интересныя данныя по этому вопросу сообщаетъ *преп. Исидоръ Пелусіотъ*, извѣстный обличитель мѣстной іерархіи. Рѣзко отмѣчая паденіе нравовъ среди современнаго ему духовенства,—симонію и любостыжательность, роскошь и расточительность, самоуправство, гордость, властолюбіе, жестокость и угодливость сильнымъ міра ³⁾,—пороки, которые вызвали то, что царская власть принуждена была заботиться объ исправленіи іерархіи, подвижникъ видитъ во всемъ этомъ причину паденія покаянной дисциплины въ церкви. Надо знать, что въ церкви издревле по образцу ветхаго завѣта существовало приношеніе о грѣхахъ,—плата со стороны кающагося совершителю таинства покаянія. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ говорится: „Ты дашь священнику должное ему,—начатокъ гумна и точила и приношеніе о грѣхахъ (*καὶ πρὸς ἀμαρτίαν*), какъ посреднику между Богомъ и нуждающимися въ очищеніи и заступленіи“ ⁴⁾. И вотъ корыстолюбивая іерархія сдѣлала изъ покаянія важную статью дохода и нерѣдко приносила въ жертву точность каноновъ и, даже болѣе, нарушала простую справедливость. На почвѣ этихъ приношеній рано возникли

¹⁾ А раньше („Исповѣдь мірянъ предъ старцами“. *Б. В.* 1905 г. севт. 36—37) мы уже говорили, что монашеская покаянная дисциплина для мірянъ оказывалась и болѣе удобной.

²⁾ См. *Б. В.* 1906 апр. 610, прим. 1.

³⁾ См. *Lib.* III 222 р. п. II, 255—256. У ерр. 21; 89; 126; 268, 276 фл. 299; 400; 470. р. п. ч. III стр. 155—156 195, 214, 312—313; 317—318; 332, 391, 427.

⁴⁾ II, 35. *Pitra*, juris eccl. gr hist. et monumenta, t. I, p. 180; p. п. 65.

безпорядки и пристрастіе при совершеніи покаянія ¹⁾. А преп. Исидоръ пишетъ: въ прежнее время при древнихъ епископахъ, „и цари, впадши въ грѣхъ, уцѣломудривались, а при нынѣшнихъ не бываетъ этого и съ богатыми простолюдинами ²⁾. Если же и возьмутся уцѣломудрить какого бѣдняка, то подпадаютъ упрекамъ, какъ уличаемые въ томъ же самомъ, въ чемъ осмѣливались уцѣломудрить другихъ. Почему страшень былъ прежде священникъ народу, а теперь народъ священнику“ ³⁾. Церковные учителя „для любителей добродѣтели всѣ тяжелы, а къ любителямъ грѣха всѣ благосклонны. Однихъ стараются привести въ бездѣйствіе, а другихъ поощряютъ къ большей порочности, особливо же, когда течетъ къ нимъ богатство“ ⁴⁾. Мы уже знаемъ примѣръ того, какъ недостойный пресвитеръ Зосима разрѣшилъ богатаго клятвопреступника за нѣсколько рыбъ ⁵⁾. Разсуждая о трудностяхъ вразумленія непокорныхъ, Исидоръ говоритъ, что нѣтъ теперь и средствъ для этого. „Угрожать судомъ, но слушатели смѣются на это. Извергнуть изъ церкви (*ἐξελάσαι τῆς ἐκκλησίας*)? Это не трудно, но не служить къ исправленію. Еслибы осужденному кѣмъ-либо однимъ вся потомъ церковь была недоступна и вмѣстѣ съ произнесшимъ этотъ

¹⁾ *Апост. Пост.* II, 42. *Pitra, ibid.* p. 188; p. п. 72. Здѣсь допускается возможность, что *двастыри* съ *діаконами* за условленные подарки ложныя доносъ примутъ за правду и отлучать оговореннаго.—Любопытно отмѣтить для сравненія, что монашеская исповѣдь была въ то время повидимому бесплатная. По крайней мѣрѣ въ принципѣ считалось предосудительнымъ брать деньги съ исповѣдующагося. У Никона Черногорца (*Пам. декты*, Слово 54 fin. *Ркн. М. Д. Ак. № 56*, л. 662) есть такой вопросо-отвѣтъ съ именемъ св. Анастасія Синайскаго: „Аще кто пріемлетъ исповѣди, да или даровъ ради, или по пристрастію прощаетъ чрезъ совѣсти, что убо будетъ?—Мы мнѣмся, яко общникъ мудръ есть. Нѣдѣй бо иногда христолюбецъ пришедъ въ Райфу исповѣдався, дастъ братіямъ по златнику. Такожже же дастъ и нѣкому затворнику, и въ нощи той видѣ старецъ село полно терніа и нѣкоего глаголюща ему: изыди и жни на селѣ давшаго любовь и заутра старецъ призвавъ давшаго ему златникъ христолюба и даетъ ему златникъ глаголя: „возми свое, брате, не могу тужде (чужое) терніа жати, да быхъ могль свое истребити“.

²⁾ *Ἐπὶ μὲν γὰρ ἑκείνων καὶ βασιλεῖς πταίνοντες ἐσφραγίζοντο ἐπὶ δὲ τοῖς τωρ οὐδὲ ἰδιώται πλοῦσοι.*

³⁾ *Lib. V, ep. 278. Migne P. G. LXXVIII, 1497—1500; p. п. III, 319.*

⁴⁾ *Lib. V, ep. 426. Migne Ibid., 1577; p. п. III, 404.*

⁵⁾ См. *Б. В.* 1906 апр., 631—632.

приговоръ вознегодовали всѣ, то можетъ быть уцѣломудрившись, и пришелъ бы въ себя изринутый. А нынѣ однимъ человѣкомъ осужденъ, а другой перѣдко въ тоже время ему услуживаетъ; отверста для него другая церковь, предлагаетъ ему охраненіе, дары, даже переселеніе дѣлается для изверженнаго источникомъ дохода, и онъ не сказываетъ, что изверженъ какъ осужденный (*ὅτι μὲν καταγνοσθεὶς ἐξεβλήθη οὐ λέγει*), но придумываетъ какой-либо предлогъ, по которому отошелъ добровольно. Если и спросить кто: почему?—объявляетъ что-либо странное, что принявшей его церкви кажется благовиднымъ... Падшій (*ὁ πταίρας*) не дѣлается отъ сего лучшимъ; о томъ же, кто хотѣлъ его уцѣломудрить, остается мысль, что онъ—человѣкъ худой. Посему то и благоискусные учителя—а таковыхъ немного—не въ состояніи уцѣломудрить согрѣшающихъ, потому что захватившіе себѣ это начальство не надлежащимъ образомъ—а таковыхъ много—... покушаются опровергать приговоры негодующихъ справедливо... Кого не должно было бы включать и въ число подчиненныхъ, тѣ осмѣливаются самовольно вступать на учительскую кафедру и мечтаютъ владѣть алтаремъ, не овладѣвшіе самими собою, думаютъ управлять другими неспособные управлять себя самихъ; отъ нихъ то дѣла церковныя пришли въ разстройство“ ¹⁾. Очевидно при такихъ нравахъ большей части церковной іерархіи не могли быть успѣшны строгія наказанія падшимъ со стороны немногихъ ревнителей благочестія—епископовъ: наказанный всегда могъ свести на нѣтъ наказаніе. Разстройство дисциплины случилось и въ томъ, что падшіе безвозбранно приступали къ таинству евхаристіи, такъ что для нѣкоторыхъ іерарховъ казалось повидимому страннымъ представленіе, что согрѣшившій мірянинъ долженъ быть отлученъ отъ таинства, и тяжкіе грѣшники (напр. одинъ убійца) не считали нужнымъ скрывать своихъ преступленій и не приносили покаянія ²⁾.

¹⁾ *Migne, Ibid.* 937—940; lib. III ep. 259; p. п. II, 284—286.

²⁾ *Ibid* I. III, ep. 364, col. 1017; p. п. II, 360: „А согрѣшающіе и осмѣливающіеся нечистыми руками касаться пречистыхъ Таинъ... достойны тьмочисленныхъ наказаній“. Lib. IV, ep. 181, col. 1273; p. п. III, 98, пресвитеру Іераку: Если же скажутъ, что и согрѣшающимъ мірянамъ повѣлываетъ (Господь) не преподавать Божественныхъ таинъ, не противорѣчь тому“. Lib. I ep. 297; p. п. I, 173—174 стр. *Πρὸς φονεῖα* (Евлямпію).

Все это даетъ знать, что Созоменъ былъ совершенно правъ, когда писалъ, что въ его время (около полов. V в.) древность съ ея благочиніемъ и строгостью тогда начала уже мало помалу перерождаться въ безразличный и небрежный образъ жизни, что раньше было менѣе грѣховъ среди христіанъ, благодаря строгости судей. Такимъ образомъ безотрадная картина упадка покаянной дисциплины, нарисованная Исидоромъ Пелусіотомъ, не должна считаться принадлежностью только мѣстной Пелусійской церкви полов. V стол. Тоже или почти тоже было на всемъ Востокѣ того времени. А впослѣдствіи, въ концѣ періода вселенскихъ соборовъ дѣло нисколько не улучшилось. Духовенство было такое же, если только не болѣе худшее ¹⁾. Въ посланіи неизвѣстнаго автора (писанномъ императору Константину Копрониму) епископы рисуются въ очень непривлекательномъ видѣ. Они болѣе заботятся о своемъ хозяйствѣ, деньгахъ и столѣ, чѣмъ о душепопеченіи: „о душахъ пасомыхъ нѣтъ у нихъ ни малѣйшей думы“. Но это не останавливало ихъ пользоваться своею духовною властью для наложенія епитимій. Напротивъ недостойные іерархи съ особенною придирчивостью проявляли здѣсь свое право. „Какъ только замѣтятъ они, что кто-нибудь въ подвѣдомой имъ паствѣ совершилъ хотя бы малый какой проступокъ, мгновенно воспрянуть и разразятся всевозможными епитиміями, нисколько не помышляя при этомъ о дѣйствительномъ назначеніи пастырскаго служенія, относясь къ паствѣ не съ помыслами пастырей, а съ расчетомъ наемныхъ поденщиковъ“ ²⁾. Изъ послѣднихъ словъ посланія можно видѣть и здѣсь корыстный расчетъ епископовъ, налагавшихъ епитиміи на кающихся.

Изъ сказаннаго видно, что покаянная дисциплина въ церкви своими отрицательными сторонами содѣйствовала успѣхамъ монастырской покаянной дисциплины. Къ этому надо прибавить еще и то, что и теорія, и догматическая сторона таинства, по крайней мѣрѣ касающаяся органа покаянія, не была въ церкви достаточно выработана, а въ нѣкоторыхъ формахъ

¹⁾ Объ этомъ можно читать въ кн. проф. А. И. Лебедева. Духовенство древней вселенской церкви (отъ временъ апост. до IX в.). Историч. очерки. Спб. 1905. Отд. III гл. IV. Нрав. состояніе д-ва отъ IV в. до IX.

²⁾ Migne P. G. XCV, 329. Ср. А. И. Лебедева о. с., 390.

своего рѣшенія могла быть истолкована и истолковывалась въ пользу монашества и органа его покаянной дисциплины. *Не было достаточно выработано ученіе о правѣ вязать и рѣшать.* Въ III стол., вскорѣ послѣ образованія органа покаянія въ церкви—епископа, какъ это мы видѣли, право вязать и рѣшать связывается не только съ церковной должностью, но и съ личными дарованіями ея носителя. Такого воззрѣнія на Востокъ держался Оригенъ ¹⁾.

Воззрѣніе, обстоятельно развитое великимъ александріицемъ, не разъ высказывалось и послѣ него. „Судить позволительно наиболѣе славнымъ и чистымъ изъ пастырей, которымъ ввѣрены ключи царствія“, пишетъ *Нилъ Синайскій* ²⁾. Приписывая власть ключей наиболѣе славнымъ и чистымъ изъ пастырей (*τοῖς διαφανεστέροις καὶ καθарοῖς τῶν ποιμένων*), синайскій подвижникъ показываетъ, что, раздѣляя взглядъ Оригена, онъ только излагаетъ его своими словами. Апостольскую власть ключей преп. Нилъ связывалъ съ іерархическимъ достоинствомъ лица подѣ условіемъ его нравственной пригодности.

Совершенно на той же точкѣ зрѣнія стоялъ современникъ Нила преп. *Исидоръ Пелусіотъ*. Выше ³⁾ приведено было содержаніе обличительнаго посланія его къ пресвитеру Зосимѣ. Обличивъ недостойнаго священника за примиреніе клятвopреступника по дару, Исидоръ выясняетъ, въ чемъ заключается право вязать и рѣшать и чѣмъ обусловливается обладаніе этимъ правомъ. „Господь изрекъ сіе (*аще свяжете... аще разрѣшите...*), чтобы по удовлетвореніи за отнятое, іереи, молясь и постясь вмѣстѣ съ согрѣшившими, пріобрѣтали имъ разрѣшеніе съ неба, не давая въ умѣ своемъ и мѣста такой мысли: пойдемъ и примемъ въ наслѣдіе себѣ Божіе святилище. Ибо они служители, а не сообщники, ходатаи, а не судіи, посредники, а не цари“ ⁴⁾. Принося жертвы и о

¹⁾ См. *Б. В.* 1906 г. мартъ, 485—488.

²⁾ *Migne P. G.* LXXIX (ср. 57, lib. III) col. 417; p. п. III, 56—57.

³⁾ *Б. В.* 1906, апр. 631—632.

⁴⁾ Ἀλλὰ τοῦτο ἔφη, ἵνα μετὰ τὴν ἀπολογία τῶν ἀποστερηθέντων συνευχόμενοι καὶ συνησέοντες τοῖς πταίσασι, λύσιν αὐτοῖς οὐρανόθεν περίσονται ἐκεῖνο μὴδ' εἰς νοῦν λαμβάνοντες τὸ „Ἐπεὶ κληρονομήσομεν ἑαυτοῖς τὸ θυσιαστήριον τοῦ Θεοῦ“. Λειτουργοὶ γὰρ εἰσιν, οὐ κοινωνοί, πρέσβεις οὐ κραταί. μεσίται οὐ βασιλεῖς.

своихъ грѣхахъ, они „не могутъ самовластно отпущать грѣхи непокаявшимся“. Но Господь „узаконилъ, чтобы они (священники) были храмомъ невинности и всякой чистоты“. И примѣнительно къ этому писатель—подвижникъ истолковываетъ слова Спасителя: „Пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, а имъ же держите, держатся (Іоан. XX, 22—23). „Посему,—разсуждаетъ Исидоръ, если ради Духа Божія пріяли власть, то грѣхами своими удаляющіе отъ себя Духа не имѣютъ сей власти, имѣютъ же только знающіе Духомъ Святымъ, кто достоинъ оставленія, и кто—осужденія. Поелику превышало это умъ человѣческій, то Утѣшитель—сообщникъ Божіей сущности и славы, содѣлался для достойныхъ Его пріятія учителемъ неизслѣдимаго уму человѣческому“ ¹⁾. Клятвопреступникъ, не удовлетворившій обиженнаго и покупавшій подаркомъ разрѣшеніе у Зосимы, очевидно смотрѣлъ на этотъ актъ, какъ на магическій, — будто прочитавши разрѣшительную формулу надъ нимъ, пресвитеръ этимъ самымъ непремѣнно освободить его отъ грѣха. Еслибы это было не такъ, грѣшникъ не могъ разсчитывать на прощеніе. Можетъ быть и самъ Зосима представлялъ актъ разрѣшенія въ такомъ же видѣ. Опровергая такой взглядъ, Исидоръ заявляетъ, что роль іерархическаго лица („іерея“), какъ носителя апостольскаго права и совершителя разрѣшенія, гораздо скромнѣе, чѣмъ воображаетъ это Зосима, который поступкомъ своимъ нарушалъ и Божескую и человѣческую правду. „Іерей“ (т. е. епископъ или пресвитеръ) не обладаетъ Божіимъ наслѣдіемъ и не можетъ ввести въ обладаніе имъ кого хочетъ: онъ только слуга Божій, а не сообщникъ Его, ходатай, а не судія, посредникъ, а не царь. Для кающагося грѣшника онъ можетъ испросить прощеніе, только самъ принявъ участіе въ покаянныхъ подвигахъ падшаго.

По мнѣнію Исидора Пелусіота не всѣ священники и имѣютъ власть ключей. Подъ священниками, не имѣющими

¹⁾ *Εἰ τοίνυν δια το θεῖον Πνεῦμα ταύτην εἰλήφασιν τὴν ἐξουσίαν, οἱ δὲ ὧν ἁμαρτάνουσι, τοῦτο ἀπελευνόντες, ταυτὴν δηλονότι τὴν ἐξουσίαν οὐκ ἔχουσιν, ἀλλ' ἐκεῖνοι οἱ διὰ τοῦ ἁγίου Πνεύματος, εἰδότες, τίνες μὲν εἰσὶν ἀφέσεως, τίνες δὲ κατακρίσεως ἄξιοι. Ἐπειδὴ γὰρ τὸν ἀνθρώπινον, τοῦτο ὑπερβαίνει νοῦν, ὁ Παράκλητος ὁ τῆς θείας οὐσίας καὶ δόξης κοινωνὸς διδάσκαλος τοῖς ἄξις τῆς ὑποδοχῆς αὐτοῦ ἐγίνεται, ὧν ὁ ἀνθρώπινος νοῦς οὐκ ἀφικνεῖτο.*

этой власти подвижникъ разумѣть ближайшимъ образомъ Зосиму, который и санъ священства купилъ за деньги и вообще былъ недостойнымъ пресвитеромъ ¹⁾, но очевидно въ данномъ случаѣ онъ выходитъ изъ того общаго положенія, что недостойный священникъ не можетъ обладать апостольскимъ правомъ. Это положеніе онъ основываетъ на словахъ Господа. Грѣхи должны отпускаться Духомъ Святымъ (Іоанн. XX, 22—23), и только Имъ однимъ, потому что только Духъ Святой можетъ непосредственно открыть „іерею“, въ какомъ случаѣ надо вязать, въ какомъ слѣдуетъ рѣшить. Но, разумѣется, недостойные священники грѣхами своими удаляютъ отъ себя Духа Божія, не имѣютъ этого превышающаго умъ человѣческій вѣдѣнія и потому не обладаютъ правомъ вязать и рѣшить. Въ этихъ разсужденіяхъ христіанскаго подвижника V в. нельзя не видѣть повторенія мысли Оригена о „духовности“, о дуновеніи Іисуса и плодахъ Духа, какъ необходимыхъ условій для осуществленія власти ключей. Но изложенный взглядъ тѣмъ болѣе любопытенъ въ воззрѣніяхъ Исихора Пелусіота, что по его представленію осквернившійся священникъ оставался полномочнымъ совершителемъ другихъ таинствъ ²⁾. Значить, право вязать и рѣшить или власть ключей преп. Исидоръ выдѣлялъ какъ особенное право, отличающееся отъ всѣхъ другихъ іерархическихъ правъ,—данное іерархамъ только подъ условіемъ нравственной чистоты и духовности.

Писатель нач. VI в., имѣвшій въ послѣдующее время боль-

¹⁾ *Migne*, P. G. LXXVIII, 257 (Epist. lib. I, ср. 111; р. п. I, 76) и многія другія письма къ пресв. Зосимѣ (см. по оглавленію), всѣ обличительнаго характера.

²⁾ „Іерей, если и осквернится... нерадивою жизнью, самъ за себя дастъ отчетъ, но все же есть ангелъ Господа Вседержителя (Малах. II, 7), какъ по тайноводству Божественнаго ученія, такъ и потому, что служить спасенію многихъ“ (Lib. I, ср. 349). „Не сомнѣвайся, если и посредствомъ вѣкихъ грѣшныхъ іереевъ подаются божественныя и преестественныя дарованія“ (Lib. II, ср. 37 ad fin.). „Пречистыя Тайны не пріемлютъ скверны, если іерей и всѣхъ людей превзойдетъ порочностью“. (Lib. III, ср. 340). *Migne* P. G. LXXVIII, 381, 481, 1000; р. п. I, 200—201, 303; II, 342. Интересно то, что одного и того же пресвитера Зосиму преп. Исидоръ признавалъ полномочнымъ совершителемъ таинства евхаристіи (col. 1000 и 1645; р. п. II, 342 и III, 477) и въ тоже время считалъ недостойнымъ власти ключей.

шое вліяніе на богословскую мысль и письменность Востока, *Псевдо-Діонисій Ареопагитъ* держится относительно власти ключей воззрѣній, близкихъ къ описаннымъ. „Божественный іерархъ есть провозвѣстникъ богоначальныхъ судовъ (оправданій, *δικαιωμάτων*)... Какъ провозвѣстники судовъ Божіихъ (іерархи) имѣютъ силу и отлучать, (но) не такъ, чтобы премудрое богоначаліе,—выражаясь съ благоговѣніемъ,—покорно слѣдовало порывамъ ихъ неразумнаго гнѣва, но такъ, что они, какъ провозвѣстники воли Божіей, отлучаютъ по внушенію тайносовершительнаго Духа тѣхъ, кто уже осужденъ Богомъ по заслугѣ (—ссылка на Іоан. XX, 22—23). И тому, кто просвѣщенъ былъ божественными откровеніями всесвятѣйшаго Отца (—ап. Петру), сказано въ словѣ Божіемъ: *елико аще свяжеша на земли...* (Мѣ. XVI, 19), такъ что онъ и всякій другой, подобный ему іерархъ, равнымъ образомъ принималъ боголюбивыхъ и отвергалъ безбожныхъ, послѣдуя бывшимъ ему явленіямъ оправданій Отчихъ, какъ провозвѣстникъ ихъ и посредникъ ¹⁾. Ибо и онъ (ап. Петръ) изрекъ то священное богословіе, по выраженію слова Божія, не отъ себя самого, не по откровенію плоти и крови, но отъ Бога, посвятившаго его въ тайны божественныя“ (Мѣ. XVI, 17)... Іерархи дѣйствуютъ, какъ движимые отъ Бога (*ὡς ἐκὸς Θεοῦ κειμήλιοι*) ²⁾. Итакъ подобно Оригену власть ключей *Псевдо-Діонисій* основываетъ на чрезвычайныхъ дарахъ Духа, подчеркиваетъ пневматическій характеръ осуществленія власти вязать и рѣшить. Закономѣрныя проявленія ея онъ трактуетъ какъ особыя откровенія тому іерарху, который подобенъ ап. Петру, исповѣдавшему Христа Сыномъ Бога живаго по внушенію свыше. А съ другой стороны надо имѣть въ виду, что тотъ же писатель вѣроятно подъ вліяніемъ донатизма, въ другомъ своемъ сочиненіи отрицалъ дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ священниками, не просвѣщенными Духомъ ³⁾. Слѣдовательно и отрицательнымъ путемъ онъ высказываетъ тоже самое ⁴⁾.

¹⁾ Ὡς ἐκείνου καὶ παντὸς τοῦ, κατ' αὐτὸν ἱεράρχου, κατὰ τὰς ἐν αὐτῷ γενομένας τῶν πατρικῶν δικαιομάτων ἀποκλύψαις, ἐκχατορικῶς καὶ διαπορθμενικῶς τοὺς τε θεοφιλεῖς προστεμένους, καὶ τοὺς ἄθεους ἀποκληροῦντος.

²⁾ De eccles. hierarchia VII. 3, 7. Migne P. G. III, 561 и 564; p. п. 229—231.

³⁾ Въ посланіи къ Демофилу, о которомъ рѣчь ниже.

⁴⁾ Наконецъ преп. *Максимъ Исповѣдникъ* († 662) приписываетъ власть

Приведенныя воззрѣнія восточныхъ писателей свидѣтельствуя наглядно, что мысль о принадлежности права вязать и рѣшить церковной должности, какъ таковой, далеко не была общей на Востокѣ, что, основываясь на изреченіи самого Господа (Іоан. XX, 22—23), это право многіе приписывали лишь іерархамъ, высокимъ своей жизнью и обладавшимъ особыми дарами Духа. Обладаніе священнымъ саномъ и обладаніе духовными дарованіями—таковы два условія для обладанія власти ключей. Которое важнѣе? Церковная мысль стояла за первое. Но нѣтъ ничего неожиданнаго въ томъ, что монашеская богословствующая мысль пороку сбивалась и привязывала власть ключей къ носителямъ Духа независимо отъ того, имѣютъ они іерархическій санъ или нѣтъ (т. е. —представителямъ своего класса), какъ это мы уже наблюдали въ исторіи монастырской исповѣди ¹⁾ и будемъ еще имѣть случай наблюдать позднѣе.

Представимъ себѣ такой историческій моментъ, когда церковная іерархія въ большинствѣ своемъ не отличалась нравственной высотой, больше того, когда она положительно развратилась и даже оказалась на сторонѣ ереси и противъ православія. Какой выводъ можно было сдѣлать относительно обладанія ею властью ключей, стоя на точкѣ зрѣнія Оригена, Нила Синайскаго, Исидора Пелусіота и Псевдо-Діонисія? Можно сдѣлать тотъ выводъ, что за грѣхи іерархіи Господь лишилъ ее власти ключей и передалъ болѣе достойному церковному классу. Выводъ этотъ и былъ сдѣланъ въ монашеской средѣ впоследствии, въ X и XI вв.

Но отвлеченная мысль не вызываетъ обычно явленія, а наоборотъ вызывается имъ. Въ ней уже формулируется и осмысливается то, что совершается въ жизни. И въ данномъ случаѣ, въ указанной общей мысли отразилось реальное и въ высшей степени важное явленіе въ области покаянной дисциплины на Востокѣ—переходъ покаянной практики въ исключительное вѣдѣніе монаховъ. *Начало этого относится къ концу изучаемаго періода, ко времени иконобор-*

отпускать грѣхи людямъ духовнымъ (*τινὲς τῶν τὰ τοιαῦτα διὰ τοῦ Πνεύματος ἐκρίβηκότες*). *Migne P. G.* XC, 805, interrog. 26.

¹⁾ См. „Испов. и пок. въ древн. монастыряхъ Востока“ *Б. В.* 1905, апр. 767—769. Интересно отмѣтить, что *Варсануфій Вел.*, приписывавшій власть вязать и рѣшить носителямъ Духа, основывается на томъ же текстѣ—Іоан. XX, 22—23.

ства, когда представители монашества старцы, въ силу современныхъ обстоятельствъ церковной жизни, стали на ряду съ іерархіей и пресвитерами равноправными совершителями исповѣди и покаянія.

Иконоборческая смута, болѣе столѣтія волновавшая Константинопольскую церковь, несомнѣнно имѣла большое значеніе въ исторіи церковно-общественнаго положенія монашества на Востокѣ. Она началась гоненіемъ на монашество, грозившимъ истребить его, а закончилась тѣмъ, что монахи стали передовымъ правящимъ классомъ въ церкви, какъ на верху въ составѣ іерархіи, такъ и внизу въ качествѣ пастырей—духовныхъ отцовъ мірянъ. Іерархія же много потеряла тогда въ своемъ нравственномъ авторитетѣ и совершенно заслуженно. Иконоборство зародилось среди высшей іерархіи. На соборѣ 754 г. 338 епископовъ единодушно предали анаѣмѣ иконопочитаніе. Положимъ, убѣжденныхъ и ревностныхъ иконоборцевъ здѣсь было не много, больше было епископовъ, равнодушныхъ къ церковной истинѣ, преданныхъ раскоши и удобствамъ своего положенія. Но и это послѣднее конечно не могло ни оправдывать, ни возвышать іерархію. Сверхъ того многіе епископы были ставленники еретиковъ—императоровъ. Первые иконоборческіе императоры Левъ и Константинъ еще ранѣе собора намѣренно замѣщали епископскія каѳедры людьми, удобными имъ и удобными съ точки зрѣнія ихъ политическихъ видовъ и тѣмъ вѣроятно достигли единодушія на иконоборческомъ соборѣ. Наконецъ сильно развита была симонія. Хотя не смотря на все это іерархія выставила защитниковъ иконопочитанія (патріархи Германъ, Тарасій и Никифоръ), но ихъ очень не много. Иконоборческіе епископы вѣроятно подбирали и соответствующій клиръ. вмѣстѣ съ гражданской властью употребляли они всѣ средства, чтобы воспитать ненависть къ иконопочитанію въ народѣ и въ значительной степени достигли этого, по крайней мѣрѣ относительно константинопольской черни.

¹⁾ При написаніи настоящаго отдѣла авторъ пользовался изслѣдованіями проф. А. П. Лебедева, Исторія всел. собор. ч. II изд. 3. *Егоже*, Исторія раздѣленія церквей въ IX X XI вѣкахъ, изд. 2. Проф. И. Д. Андреева очерки: Св. Германъ, патр. Константинопольскій, *Бог. Вѣстн.* 1897 и Св. Тарасій патр. К. Б. В. 1899. *Свящ. В. Преображенскаго*, Преп. Феодоръ Студитъ и его время, М. 1896.

Преимущественными защитниками иконопочитанія съ самаго начала смуты являются монахи и иконоборческое правительство подвергло ихъ жестокому гоненію. Положимъ, преслѣдованія вызывались не только иконопочитаніемъ монаховъ, но можетъ быть въ такой же степени и крупными недостатками тогдашней монастырской жизни. Тѣмъ не менѣе въ защиту иконопочитанія монашество выставило длинный рядъ мучениковъ и исповѣдниковъ, великая слава которыхъ высоко поднимала въ глазахъ православныхъ весь классъ монашескій.

При патр. Тарасіи (784—806), который передъ патріаршествомъ занималъ должность императорскаго секретаря, между монахами и іерархіей возникаетъ продолжительная борьба, которая началась на вселенскомъ соборѣ 787 г., давшемъ торжество иконопочитанію. На VII всел. соборѣ присутствовало много монаховъ. Они явились сюда затѣмъ, чтобы выслушать строгое осужденіе иконоборцевъ—епископовъ, бывшихъ враговъ и гонителей монашества, изъ которыхъ многіе даже участвовали на соборѣ 754 г., многіе получили кафедры за деньги,—а своему классу услышать похвалы за страданія и исповѣдничество. Но патріархъ держался болѣе умѣренныхъ, приспособительныхъ воззрѣній и, болѣе всего заботясь о мирѣ церкви, стремился „ослабить враждебное настроеніе иконоборческой партіи, привлечь ея сторонниковъ въ лоно церкви, снисходя ихъ провинностямъ и предавая забвенію прошлое“ ¹⁾. Вѣроятно изъ стремленія ослабить враждебное настроеніе иконоборческой партіи и въ видахъ церковнаго благочинія VII вселенскій соборъ издалъ рядъ правилъ противъ вопіющихъ недостатковъ монастырской жизни. Все это послужило причиной разрыва между іерархіей и монашествомъ, который, начавшись съ собора, продолжался болѣе полвѣка. Изъ монаховъ выдѣлилась особенно строгая партія, которая составляла оппозицію цѣлому ряду патріарховъ, раздѣлявшихъ принципы умѣренной и приспособительной церковной политики Тарасія,—Никифору, Меѳодію, Фотію. Это—партія студитовъ. Главою ея былъ одно время

¹⁾ И. Д. Андреева, Св. Тарасій патр. Константинопольскій, Б. В. 1899, авг. 477.

знаменитый Θεодоръ Студить ¹⁾. Движеніе строгихъ монаховъ грозило церкви расколомъ и приняло характеръ открытаго разрыва.

Въ средѣ студитовъ стали распространятся мысли о незаконности епископовъ, поставленныхъ отъ еретиковъ—патріарховъ, хотя бы сами они и были православны, и необходимости лишенія сана тѣхъ епископовъ, которые были иконоборцами, затѣмъ покаялись, а также епископовъ, поставленныхъ за деньги. Истинными іерархами студиты признавали лишь тѣхъ, которые получили посвященіе отъ православнаго патріарха Германа (715—730) или отъ его ставленниковъ ²⁾. Такимъ путемъ наиболѣе строгое византійское монашество иконоборческой эпохи совершенно естественно доходило до сомнѣнія въ состоятельности и законности большинства наличной іерархіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ оно невольно и безсознательно и сознательно мысленно возвышало свой классъ, „чинъ ангельскій“, „избранный народъ Божій“, который оказался опорой православія. Отсюда оставался уже одинъ только шагъ до признанія того, что за грѣхи свои іерархія лишается апостольскаго права вязать и рѣшить и покаянной практики въ церкви, что эти право и практика дѣлаются достояніемъ монашескаго класса. И такое воззрѣніе, по источникамъ извѣстное отъ X и XI вв., если и не было высказано теперь ясно, то несомнѣнно созрѣвало въ иконоборческую эпоху, въ періодъ острой смуты и разлада между монашествомъ и іерархіей.

Для выясненія его вернемся нѣсколько назадъ и посмотримъ, не было ли почвы для обнаруженія указаннаго разлада строгой монашеской партіи съ іерархіей. Почва эта давно

¹⁾ Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ у *проф. Лебедева*, *Исторія раздѣленія церквей*, и у *проф. Андреева*, *Св. Тарасій*.

²⁾ Св. Тарасій, *Б. В.* 1899, авг., 483. Преп. Θεодоръ Студить пишетъ слѣдующее увѣщаніе монахамъ: „для чего обращеніе назадъ, къ Божественному Герману и требованіе рукоположенія непрямо отсюда? Какая нужда до бывшихъ трехъ еретиковъ (патріарховъ—Анастасія, Константина и Никиты)? Развѣ нѣтъ никого; кто бы былъ не рукоположенъ ими или рукоположенными отъ нихъ? Сколь многіе отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря приходили въ промежутокъ того времени и вступали въ общеніе съ нашею церковію въ священномъ званіи. *Migne P. G.* XCIX, 1104—1105; р. п. 312—314.

была готова. Съ самаго своего начала къ іерархіи и клиру монашество относится какъ-то двойственно. Антоній Великій былъ почитателенъ къ іерархіи ¹⁾. И Пахомій также оказывалъ почтеніе къ епископамъ и пресвитерамъ, но своимъ ученикамъ—киновитамъ онъ запретилъ принимать священныя степени, опасаясь раздоровъ, зависти, недоброжелательства въ братіи. Тоже повторялъ знаменитый палестинскій подвижникъ, Савва Освященный ²⁾. Эти опасенія, высказанныя столпами монашества, свидѣлствуютъ о нѣкоторомъ недовѣріи къ нравамъ духовенства. Дѣйствительно въ монашеской средѣ рано возникаетъ критическое или даже порицательное отношеніе къ служителямъ алтаря, которыя ясно обнаруживаютъ классовый антагонизмъ монашества. Блаж. Іеронимъ такъ упрекаетъ современныхъ ему монаховъ. „Стыдно сказать, пишетъ онъ,—изъ глубины своихъ келій мы судимъ міръ. Поверженные во вретѣ и пеплѣ, мы произносимъ приговоръ о епископахъ. Къ чему подъ одеждою кающагося властолюбивый духъ“? ³⁾ Въ древнихъ писаніяхъ восточныхъ аскетовъ встрѣчаются наставленія о почитаніи іереевъ, о не осужденіи пресвитеровъ даже порочныхъ ⁴⁾. Но это-то можетъ быть и значить, что монашество не умѣло почитать носителей священнаго сана за самый санъ и осуждало, даже не признавало епископовъ и пресвитеровъ недостойной жизни. Мы здѣсь не будемъ говорить о томъ, что изъ среды монашества недостойная іерархія и клиръ слышали справедливыя обвиненія и осужденія,—какъ напримѣръ, отъ

1) Жизнь Антонія *Августина Вел.* III, 231 по р. п. 2-е изд.

2) См. Испов. и пок. въ др. монастыряхъ Вост. Б. В. 1905 янв. Однако эти предписанія не препятствовали монахамъ съ IV-го же вѣка принимать служеніе въ клирѣ и іерархіи.—Нашимъ современнымъ защитникамъ монашества епископовъ не мѣшало бы помнить предписанія Пахомія и Саввы и знать, что проникновеніе монашества въ клиръ и іерархію церкви есть ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе предписанія отца христіанскаго монашества преп. Пахомія.

3) *Migne P. L. XXII*; р. п. I, 50, письмо 17 къ Марку. Сверхъ того бл. Іеронимъ пишетъ, что сарабанты или ремоботы (худшій видъ монашества) поносятъ священнослужителей. *Migne P. L. XXII*, 449; р. п. I, 136.

4) *Migne P. G. LXXIX*, 1253; р. п. II, 236; *Apophthegmata Migne, P. G. LXV*, 304; р. п. 246—247.

Исидора Пелусіота, который не хочетъ называть ихъ и священствомъ, а лишь тѣми, „которые повидимому священствуютъ, но своими поступками оскорбляютъ священство“ ¹⁾. Укажемъ такой характерный для отношенія монашества къ духовенству примѣръ, изъ котораго будетъ видно, что монашество, ставило себя порою въ званіе судьи надъ духовенствомъ и не хотѣло признавать его, если нравы не соответствовали санамъ. Въ посланіи къ монаху Демофилу Псевдо-Діонисій Ареопагитъ пишетъ: „Ты же, какъ показываетъ письмо твое, и припадающаго къ іерею, говоришь, безбожника и грѣшника, не знаю какъ, оттолкнулъ своимъ присутвіемъ. Затѣмъ онъ нуждался (въ прощеніи) и говорилъ, что пришелъ для исцѣленія отъ зла, а ты дерзко стыдилъ добраго іерея, который былъ того взгляда (и это высказывалъ), что и безбожникъ, если онъ раскается и совершитъ покаяніе, достоинъ состраданія и отпущенія грѣховъ. И наконецъ ты сказалъ іерею: „иди вонъ съ подобными тебѣ“. Ты вскочилъ въ святилище, что совершенно незаконно, и пишешь намъ, что ты предусмотрительно спасъ святую, которой грозила гибель и (говоришь):—„сохраняю ее неоскверненной“ ²⁾. Сцена эта несомнѣнно свидѣлствуетъ о борьбѣ монашества съ клиромъ, о стремленіи вмѣшаться въ пастырское дѣло, строго говоря, монашеству не принадлежащее. На слова Демофила Діонисій замѣчаетъ, что „іерей“ (въ данномъ случаѣ—пресвитеръ) не можетъ быть наставляемъ и діакономъ, не только что монахомъ (терапевтомъ), такъ какъ монахи ниже клириковъ и стоятъ ближе къ мірянамъ, чѣмъ къ клиру ³⁾.

Особенно важно дальнѣйшее (можетъ быть предполагаемое) возраженіе Демофила и отвѣтъ на него Псевдо-Діонисія Ареопагита. Демофилъ спрашиваетъ: „Итакъ какъ же,

1) *Migne P. G. LXXVIII*; p. п. III, 313 Epist. l. V, ep. 268.

2) *Migne P. G. III*, 1088. При переводѣ и анализѣ приняты въ расчетъ соображенія *Г. Коха*, *Zur Geschichte d. Bussdiscipl. u. Bussgewalt in d. orient. K. Hist. Jahrbuch*, 1900, t. 21, SS. 71—75. Въ данномъ случаѣ дѣло шло вѣроятно не о правѣ вязать и рѣшить, а лишь о допущеніи къ евхаристіи.

3) Въ другомъ мѣстѣ (*De eccl. hierarch.*, VIII, 3, 1. *Migne, ibid.* 533: p. п. 197) Діонисій говоритъ, что „чинъ монашескій не есть руководственный для другихъ“.

говоришь ты, неужели не должно исправлять нечестивыхъ іереевъ, неужели имъ однимъ, хвалящимся въ законѣ, позволено преступленіемъ закона безчестить Бога? и какимъ образомъ іереи суть провозвѣстники Божіи? или какъ возбѣщаютъ они народу божественныя добродѣтели, не зная силы ихъ? или какъ просвѣтять омраченные? или какъ сообщать Духа, если они даже не увѣровали въ Духа Святаго, въ Его дѣйствительность и истину?“¹⁾ Вопросъ Демофила показываетъ, что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія донатизма, по воззрѣніямъ котораго таинства, совершаемыя недостойными священнослужителями, теряютъ характеръ святости и становятся недѣйствительными. Діонисій въ сущности соглашается съ этимъ.

„Окружающій Бога порядокъ (священство) въ большей степени богоподобенъ, чѣмъ далѣе отстоящій (монахи и міряне), и все, что ближе къ истинному свѣту, ярче блеститъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе родственно свѣту (*φωτεινότερα ἅμα καὶ φωτισιχότερα*)“. Отсюда „если порядокъ священства родствененъ свѣту, то (человѣкъ) неродственный свѣту и тѣмъ болѣе непросвѣщенный, всецѣло отпалъ отъ священнаго чина и силы. И мнѣ кажется дерзкимъ этотъ, принимающійся за дѣло священства и безъ боязни и стыда стремящійся къ божественному не по достоинству и (при томъ) думающій, что Богъ не знаетъ того, что извѣстно ему самому. Онъ признаетъ, что можетъ обмануть ложно называемаго имъ Отца и осмѣливается свои преступныя хулы (ибо я не могу назвать ихъ молитвами) изрекать надъ божественными тайнами. Этотъ не священникъ, нѣтъ, но врагъ, лукавый, ругатель самому себѣ, волкъ въ овечьей шкурѣ, вооруженный на народъ Божій“²⁾.

¹⁾ Πῶς γὰρ ἐξαγγέλλουσι τῷ λαῷ τὰς θείας ἀρετὰς, οὐκ ἐγνωκότες αὐτῶν τὴν δύναμιν; ἢ πῶς φωτισοῦσιν οἱ ἐσχοτισμένοι, πῶς δὲ τοῦ θείου μεταδώσουσι Πνεύματος, οὔτε εἰ ἔστι Πνεῦμα ἅγιον ἔξει καὶ ἀληθεὶα πεπιστευκότες.

²⁾ Εἰ τοίνυν ἡ τῶν ἱερέων διακόσμησις ἐστὶν ἡ φωτιστικὴ, παντελῶς ἀποπέπτωκε τῆς ἱερατικῆς τάξεως καὶ δυνάμεως ὁ μὴ φωτιστικῶς ἡ ποῦ γὰρ μᾶλλον ὁ ἀφώτιστος. Καὶ τολμηρὸς ἔμοιγε δοκεῖ τοῖς τε ἱερατικοῖς ὁ τοιοῦτος ἐγχειρῶν, καὶ οὐ δέδοικεν οὐδὲ αἰσχύνεται τὰ θεῖα παρὰ τὴν ἀξίαν διώκων, καὶ οἰόμενος θεὸν ἁγνοεῖν, ἅπερ αὐτὸς αὐτῷ συνέγνωκε, καὶ ἀπατᾶν νομίζει τὸν ψευδωνύμως ὑπ' αὐτοῦ Πατέρα καλούμενον, καὶ τολμᾷ τὰς ἐναγείας αὐτοῦ δυσφημίας τοῖς γὰρ εἶποιμι προσεχῶς) ἐπὶ τὰ θεῖα σίμβολα χραισταιδῶς ἐπιλέγειν. Οὐκ

Такая точка зрѣнія была въ высшей степени удобною для сепаратистскихъ стремленій монашескаго класса. Объявить іерархію недостойной, лишенной божественнаго свѣта, испровергнуть ея авторитетъ было выгодно, чтобы поставить на ея мѣсто авторитетъ монашества. Дѣйствительно, въ исторіи восточной церкви бывали такіе моменты, когда монашество признавало себя самостоятельной силой, не обязанной подчиняться іерархіи, по крайней мѣрѣ господствующему ея большинству. Монофизитство, вышедшее, какъ извѣстно изъ монашеской среды, нашло своихъ ревностныхъ защитниковъ между прочимъ въ Палестинскихъ монастыряхъ. Еретическія воззрѣнія держались здѣсь долго спустя послѣ Халкидонскаго собора, осудившаго ересь. И свое дѣло—защиту евтихіанства, палестинскіе монахи понимали какъ дѣло монашества, защищаемое имъ противъ епископата. Архимандритъ Палестинскихъ монастырей Маркіанъ (современникъ патр. Саллюстія 486—493 г.) ревностный монофизитъ и горячій противникъ Халкидонскаго собора, рѣшилъ покончить съ несогласіями православныхъ и монофизитовъ и для выясненія истины предложилъ своимъ послѣдователямъ бросить жребій. И въ рѣчи своей, обращенной къ собранію, Маркіанъ говорилъ между прочимъ; „Если угодно, то, подражая примѣру апостоловъ, бросимъ жребій отъ имени епископовъ и монаховъ. Если жребій падетъ на монаховъ, то мы совершенно останемся при томъ, въ чемъ и теперь пребываемъ и чего теперь держимся; а если падетъ на сторону епископовъ, то приобщимся къ нимъ“ ¹⁾. Жребій рѣшилъ дѣло въ пользу епископовъ или православія.

Въ иконоборческую эпоху въ Византіи отношеніе іерархін и партіи студитовъ было приблизительно такое же, съ тѣмъ однако отличіемъ, что на сторонѣ православія оказалось почти

ἔστιν οὗτος ἱερεὺς, οὐκ ἔστιν, ἀλλὰ δυσμενὴς, θόλιος, ἐμπαικτικὸς αὐτοῦ, καὶ λίχος ἐπὶ τὸν θεῖον λαὸν τῷ πωδῶ καὶ παλαισμένους.

¹⁾ *Житіе преп. Евхимія*. Пал., Пат., II, 77—78; Ср. Арх. Θεοδοσία Палест. монашество въ IV—VI, 240—241.—Въ послѣдующее время повторялись подобныя явленія. Евстафій, митр. Солунскій, свидѣтельствуетъ, что монахи „не признавали за епископомъ права суда, учительства, утвержденія игумена, а также монастырскаго клира, и считали грѣхомъ преклонять голову предъ нимъ во время чтенія тайноводственной молитвы“. *М. Соколова*, Сост. монаш. въ визант. церкви, 483—484.

все монашество, на сторонѣ ереси большая часть іерархіи. Но послѣдствія были аналогичны: эта партія строгихъ ревнителей православія и нерушимости канонѡвъ, хотя была въ меньшинствѣ, противопоставляетъ себя іерархіи, среди которой много было скрытыхъ иконоборцевъ или еретическихъ ставленниковъ, много было іерарховъ, поставленныхъ на мздь или запятнавшихъ себя симоніей, уронившихъ авторитетъ своей патоконичностью людскимъ слабостямъ.

Однако раскола не произошло: студиты, державшіеся твердо въ оппозиціи противъ четверыхъ патріарховъ, не отдѣлились отъ іерархіи. Почему это такъ случилось? Намъ кажется, было двѣ тому причины. До торжества православія (842 г.) обѣ партіи невольно должны были держаться въ союзѣ, по временамъ дѣйствовали дружно, потому что имѣли общаго врага—иконоборческое правительство. Это причина первая. Вторая, не менѣе можетъ быть важная, заключалась въ томъ, что дѣленіе по партіямъ не совпадало строго съ дѣленіемъ классовымъ. Нельзя сказать, чтобы партія студитовъ была чисто монашеская, изъ ея среды поставлялись епископы и даже патріархъ Игнатій (противникъ Фотія) былъ ихъ сторонникомъ. А съ другой стороны ошибочно было бы представлять, что патріархи и сторонняя имъ іерархія были враждебны монашеству и не имѣли поддержки въ монастыряхъ. Напротивъ на этой сторонѣ отлично понимали, что монашество—превосходная сила въ борьбѣ съ иконоборчествомъ, и, понимая это, умѣло пользовались названной силой. Напримѣръ, патр. Тарасій основалъ монастырь неподалеку отъ Константинополя, на берегу Воспора Фракійскаго. Иноки этого монастыря, тщательно подобранные, посвящали себя научнымъ занятіямъ для будущей службы православію и защитѣ его противъ ереси. Изъ этихъ монаховъ Тарасій, по свидѣтельству его житія, „многихъ призвалъ къ пастырству и украсилъ ими престолы священства; они явились непоколебимыми столпами православія, какъ показало потомъ страшное наводненіе ереси (при Львѣ Армянинѣ 813—820). Сражаясь мужественно съ нею и подвергаясь многимъ опасностямъ, гоненіямъ, мученіямъ, публичнымъ поруганіямъ, они побороли его для блеска высшаго свѣта“ ¹⁾.

¹⁾ Св. Тарасій .. Б. В. авг. 1899, 477. Также извѣстно, что императрица.

Къ иконоборческой эпохѣ обыкновенно приурочиваютъ усиленное вмѣшательство монаховъ въ дѣло исповѣди мірянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—усиленное распространеніе монастырской покаянной дисциплины на счетъ церковной. Въ одной брошюрѣ своей Гергенрёттеръ „относитъ самое возникновеніе взгляда на монаховъ, какъ на духовниковъ, ко временамъ иконоборства и даже не къ началу, а къ концу ихъ, когда монахи уже успѣли достаточно заявить свою ревность по защитѣ православія и тѣмъ самымъ создать для себя авторитетъ въ представленіяхъ массы народа“ ¹⁾. Приблизительно такого же воззрѣнія на этотъ вопросъ держится проф. Н. С. Суворовъ. „Нужно думать, говоритъ онъ, что и въ видѣ бытоваго явленія, духовническая практика монаховъ получила наиболѣе широкую распространенность во времена иконоборчества, когда главнымъ бойцомъ противъ ереси выступило монашество, преслѣдованіе котораго также входило въ программу иконоборческой политики. Сознаніе важныхъ услугъ православію противъ иконоборческой ереси могло даже привести монаховъ къ мысли, что имъ однимъ и принадлежитъ духовническая власть вязать и рѣшить“ ²⁾.

Оба ученые основываютъ свое предположеніе на словахъ посланія *патріарха антиохійскаго Іоанна* (1092—1098 гг.) ³⁾. Патріархъ пишетъ, что врагъ рода человѣческаго подвигнулъ двухъ первыхъ императоровъ—иконаборцевъ уничтожить монашескій чинъ, но ошибся въ расчетѣ. „Когда монахи были преслѣдуемы ими, непобѣдимою силою Христа онъ ниспровергнулъ съ своимъ иконоборческимъ волшебствомъ и палъ ужаснымъ паденіемъ. И съ того времени и до днесъ, по прошествіи 400 лѣтъ, чинъ монашескій почитается священнымъ и чтится отъ всѣхъ вѣрующихъ, такъ что исповѣдь, признаніе во грѣхахъ, соотвѣтственные епи-

Приня „возвратила изъ ссылки всѣхъ монаховъ, передала въ руки ихъ большинство епископскихъ кафедръ“. *Ан. Лебедевъ*. Ист. всел. соб. изд. 3-е Спб. 1904, 182. Такимъ образомъ студиты не представляли настроенія всего монашества противъ іерархіи.

¹⁾ *Суворовъ*, Къ вопросу о тайн. испов., 187—188 стр., прим. Названную брошюру „весьма рѣдку“ намъ не удалось достать.

²⁾ Къ вопросу о западномъ влияніи на др. рус. право, 130.

³⁾ Такъ опредѣляетъ время его патріаршества преосв. *Сергій Владим.* *Крумбасеръ* не опредѣляетъ точной даты, указывая на царствованіе Алексія I Комнина (1081—1118).

тиміи и (свободныя) разрѣшенія перенесены на монаховъ: какъ это наблюдается еще и нынѣ“ ¹⁾. Проф. Суворовъ указываетъ и справедливо, что хронологическая дата, устанавливаемая притомъ приблизительно, лицомъ, жившимъ черезъ 400 лѣтъ послѣ датируемаго факта, не можетъ претендовать на безусловную историческую достовѣрность; притомъ же и по точному арифметическому расчету отъ конца XI в. на 400 лѣтъ назадъ приходятся не времена иконоборства, а болѣе раннія—конецъ VII в. ²⁾. Это все вѣрно. Но слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что начало господствующаго положенія монашества въ дѣлѣ совершенія покаянія патріархъ Іоаннъ совершенно ясно относитъ именно ко временамъ иконоборства.

Выше мы видѣли, что пастырская и покаянная практика монаховъ въ средѣ мірянъ началась очень рано. Примѣры исповѣди мірянъ предъ старцами встрѣчаются съ V стол. ³⁾. Отсюда предположеніе Гергенрѣтера, что на монаховъ стали смотрѣть какъ на духовниковъ только во времена иконоборчества, не совсѣмъ точно. Но вѣрно то, что къ иконоборческимъ временамъ и именно ко второй ихъ половинѣ относится широкое распространеніе въ мірской церкви покаянной практики монаховъ и духовно-отеческаго пастырства и къ тому же, самое главное,—практики полномочной. Если въ прежнее время монастырскіе старцы не отказывали мірянамъ въ духовномъ руководествѣ и принятіи исповѣди, то теперь они сами ищутъ этого руководства и духовно-отеческой практики, служа церкви и православію. Старцы становятся духовными отцами мірянъ, чтобы обращаться или, по крайней мѣрѣ, охранять ихъ отъ ереси, а также

¹⁾ Cotelierii, Ecclesiae gr. monum., I, pp. 168—169. 'Υπ' αὐτῶν γε τούτων τῶν ἐν' αὐτῶν διακοσμένων μοναχῶν, τῇ ἀνάγκῃ Χρίστου δυνάμει, ἀντιτίπτον τῇ εἰκονομαχίῃ μαρτυρεῖς αὐτοῦ, καὶ πέπρωκε πτώμα ἑξαιρίαν. ἔκτοτε οὖν καὶ μέχρι τοῦ δεῦρο, τετρακοσίων ἡδὲ χροῶν παρφυρῶτων τοσούτων ἰσθ' πάντων τῶν πιστῶν ἐξεθιάζετο καὶ ἐτιμάτο τὸ ταῦμα τῶν μοναχῶν, ὡς καὶ τὰς ἐξομολόγησεις καὶ ἐξαγγελίας τῶν ἁμαρτιμάτων, καὶ τὰς, ἐπ' αὐτοῖς, ἐπιτιμίας καὶ ἀφέσεις ἡθ' εἰς μοναχοὺς μετατεθεῖναι, καθὼς καὶ ἐν νῦν ὁρατὴν γινόμενον. Подробное содержаніе посланія въ рецензіи проф. Суворова на кн. К. Голля *Entusiasmus und Bussgewalt...* Виз Врем. 1899, № 3, отд. отт. стр. 36—37.

²⁾ Вопр. о Номок. Іоанна Постл., 105—106. Ср. Къ вопр. о т. исп. и дух. 187—188, прим.

³⁾ См. Б. В. 1905 сент., 15 свѣд. „Исповѣдь мірянъ предъ старцами“.

отъ нарушенія дисциплины, отчасти вызваннаго церковной смутой. Если иконоборческое правительство много дѣлало въ пользу воспитанія массы въ своихъ идеяхъ, то сейчасъ мы видимъ, что не мало дѣлали и самые ревностные защитники иконопочитанія—студиты въ направленіи противоположномъ. Выше мы приводили извѣстіе изъ житія преп. Θεодора Студита, что въ царствованіе Константина VI (780—797), когда подвижникъ былъ въ разрывѣ съ патріархомъ, снисходительнымъ къ вопіющему поступку императора, епископы, пресвитеры и благочестивые монахи отлучали отъ евхаристіи тѣхъ, которые, подражая императору, разводились съ своими женами и женились на другихъ. Ихъ увлекъ къ такой мѣрѣ примѣръ Θεодора Студита и духовнаго отца его Платона. Въ монахахъ мы признали монастырскихъ старцевъ, дѣйствовавшихъ въ мірской средѣ духовно-отеческой властью. А теперь мы должны прибавить, что эта студитская организація духовно-отеческаго пастырства, къ которой принадлежало не мало и простыхъ монаховъ, вызвана обстоятельствами времени, существовала уже въ к. VIII в. и играла видную церковно-общественную роль.

Эту организацію и санкціонируетъ православная іерархія, которая искала средствъ борьбы съ ересью. Преп. Θεодоръ, находясь подъ стражей, налагалъ заочно епитиміи ученикамъ своимъ и вызвалъ упреки своего сторонника монаха Θεодора. Оправдываясь отъ обвиненія, великій ревнитель иконопочитанія ссылается на авторитетъ епископовъ и даже патріарха. „Осуждающіе пусть осуждаютъ не насъ, а господъ епископовъ, которымъ мы, уничиженные и подвластные, слѣдуемъ ими бывъ вынуждены, мы и доселѣ назначали епитиміи сказаннымъ порядкомъ и назначаемъ когда случится“¹⁾. Но преп. Θεодоръ былъ пресвитеръ и наложеніе имъ епитимій представляется дѣломъ естественнымъ.

Однако имѣется довольно ясное указаніе на то, что право вязать и рѣшить въ иконоборческую эпоху оффиціально получили и простые, не имѣющіе священнаго сана, монахи. Его мы находимъ въ одномъ посланіи Θεодора Студита. Къ монаху Θεодору, стороннику иконопочитанія и, значить, своему союзнику, преп. Θεодоръ пишетъ обличительное письмо. Письмо

¹⁾ Migne P. G., XCIX, 1473.; р. II, 379.

Студита вызвано окружнымъ посланіемъ этого монаха, направленнымъ противъ кажущихся ему безпорядковъ въ покаянной дисциплинѣ иконопочитателей. Посланіе монаха Θεодора приводится здѣсь въ дословныхъ извлеченіяхъ; самъ преподобный обстоятельно опровергаетъ нападки ревностнаго монаха и въ общемъ посланіе Студита даетъ цѣлый рядъ чертъ, которыя очень цѣнны для характеристики покаянной дисциплины въ Византійской церкви нач. IX в. въ связи съ вліяніемъ на эту дисциплину иконоборческой смуты и монашескаго вмѣшательства. Остановимся на этомъ любопытномъ для насъ посланіи преп. Θεодора ¹⁾.

Монахъ Θεодоръ въ своемъ окружномъ посланіи или врачебномъ (оно имѣло въ виду уврачевать болѣзнь церкви,—безпорядокъ въ дисциплинѣ) возставалъ „противъ іерарховъ и священниковъ, монаховъ и игуменовъ“ (*καὶ ταύτη—ἐπιστόλῃ—κατεῖσθαι τοὺς ἱεραρχῶν τε καὶ ἱερομένων, μοναχῶν τε καὶ καθυπομένων*), издавалъ свои правила, подвергалъ „укоризнамъ и обидамъ, осужденіямъ и отлученіямъ все общество исповѣдническаго братства“. „Они (іерархи, священники и монахи), по словамъ окружнаго посланія монаха Θεодора,—хотя и не всѣ поборники истины (исповѣдники иконопочитанія), лицемерно принимая покаяніе, подобно тому, какъ принадлежащіе къ противной сторонѣ, злоупотребляютъ названіемъ благочестія, точно также дурно обращаются съ истиною и покаяніемъ, уязвляя тяжкими выраженіями и привнося соръ жалкихъ сужденій, возбуждая распри, унижая непорочную вѣру, оскорбляя Распорядителя, Правителя и Создателя всего, враждуя другъ съ другомъ, изъ корыстолюбія придумывая способы полученія доходовъ, изъ угожденія единомышленникамъ нечестивыхъ оскорбляя исповѣдниковъ и подвергавшихся опасности за истину, а тѣхъ, которые особенно искажали и преслѣдовали ее, предпочитая и уважая, подвизающимся за истину оказывая непріязнь и страданія ради Христа считая за ничто, не понимая и жестоко и несправедливо забывая, за что тѣ подвергались опасности“. Преп. Θεодоръ осуждаетъ эти нападки простого монаха на церковь и грозить ему наказаніемъ. Далѣе онъ говоритъ, что мы имѣемъ архіерея, „отъ котораго можетъ быть издано окружное посла-

¹⁾ *Migne*, P. G. XCIX, 1504—1516; p. II, 410—421, Lib. II. ep. 162.

ніе по данной ему власти отъ Духа. Онъ (архіерей), если бы узналъ въ происходящемъ что-нибудь незаконное и неполезное, то конечно изрекъ бы должное. Но такъ какъ онъ видитъ, что господствуетъ ересь и обстоятельства со всѣхъ сторонъ стѣснительны, то *предоставилъ всѣмъ желающимъ врачевать приключившіяся болѣзни, какъ можетъ каждый*, и хорошо сдѣлалъ онъ, достопочтеннѣйшій, такъ что и совершаемое не есть законъ, и душа за которую умеръ Христосъ, не осталась безъ врачеванія. Это продолжится до православнаго собора, когда сдѣланное хорошо будетъ одобрено, а сдѣланное иначе будетъ отвергнуто ¹⁾; и это есть дѣло весьма угодное Богу, Который желаетъ всѣмъ спастись,—не тѣмъ ли болѣе прибѣгающимъ къ врачеству покаянія? Судя по тому, что преп. Θεοδωρѣ упоминаетъ съ одной стороны объ архіерей—защитникѣ православія, а съ другой о господствѣ ереси, можно думать, что его посланіе относится ко времени, когда живъ былъ сверженный съ престола и находившійся въ изгнаніи патр. Никифоръ ²⁾. Къ этимъ годамъ (815—826) и относится разрѣшеніе патріарха „всѣмъ желающимъ врачевать приключившіяся болѣзни“, другими словами, предоставленіе безъ особаго порученія всѣмъ православнымъ священникамъ и всѣмъ монахамъ, какъ ревностнымъ врагамъ иконоборчества, совершать покаяніе (епископы конечно имѣли это право сами). Одобряя эту мѣру, преп. Θεοδωρѣ считаетъ

¹⁾ Ἄλλ' ἐπειδὴ ὁρᾷ ἐκκρατοῦσαν τὴν αἵρεσιν, καὶ στενὰ ἀμφοτέρωθεν παριστάμενα εἰς πάντας τοὺς προθυμοῦμένους ἰᾶσθαι τὰ συμπεσόντα νοσήματα, ὡς ἕκαστος ἔχει δυνάμειος, εὖ ποιῶν ὁ Θεοπεσιωγῆτος. Ὡς μήτε νομοθεσίαν εἶναι τὸ τελούμενον, μήτε μὴν ἀσθεράπευτον ψυχὴν ὑπὲρ ἧς Χριστὸς ἀπέθανε, καταλιμπάνεσθαι· καὶ τοῦτο θηλαδὴ μέχρις ὁρθοδόξου συνόδου ὀπίσκηκα καὶ τὰ καλῶς ἐπηρρημένα ἐγκριθήσεται καὶ τὰ ἄλλως ἔχοντα ἀποδοκιμασθήσεται (col. 1508).

²⁾ Патр. Никифоръ былъ сверженъ въ началѣ 815 г., умеръ въ 829 г. Но преп. Θεοδωρѣ самъ скончался въ 826 г. Слѣдовательно время составленія посланія 815—826 г. Этимъ опредѣляется и интересное насъ распоряженіе патріарха Никифора.—Извѣстно, что, послѣ сверженія Никифора и возведенія на патріаршій престолъ Θεοδωта Касситера, сторона православныхъ не признала новаго патріарха и крѣпко держалась за прежняго—Никифора. Душею этихъ приверженцевъ былъ преп. Θεοδωρѣ Студитъ, который открыто заявилъ о своей приверженности къ прежнему патріарху и его дѣлу. А. П. Лебедевъ, Ист. всел. соб. II ч. 221. Объ отношеніяхъ преп. Θεοδωра къ св. Никифору можно читать въ кн. *свяц. Преображенскаго*, Преп. Θεοδωрѣ Студитъ, гл. VII, VIII и IX.

ее временной, исключительной, вынужденной борьбою съ ересью. Изъ дальнѣйшихъ словъ подвижника можно видѣть, что она имѣла и цѣль свою—содѣйствовать успѣхамъ иконопочитанія. „Епитиміи, употребляемая въ настоящее время, суть врачевства... не соблазнъ производятъ эти дѣйствія, а служатъ доказательствомъ истинной любви“. И дѣйствительно епитиміи эти содѣйствовали успѣхамъ православія. „Народъ Божій ежедневно очищается и домъ Сауловъ изнемогая уменьшается (иконоборцы), а домъ Давидовъ возвышаясь умножается (иконопочитатели)“. Далѣе сравнивая ересь съ поварьной болѣзью, подвижникъ находитъ страннымъ, еслибы въ такое время „нигдѣ не было видно врача, не были принимаемы врачевныя мѣры“. „У врачей тѣлесныхъ мы видимъ великое усердіе и много средствъ врачеванія... и даже находящемуся въ званіи слуги не запрещается заниматься этимъ по мѣрѣ приобрѣтеннаго ими врачевнаго званія, высшаго или низшаго... Тѣмъ болѣе въ душевныхъ болѣзняхъ все должно быть сообразно усматриваемо и совершаемо“. Монахъ Теодоръ считалъ незаконнымъ разрѣшать грѣшниковъ до времени, когда они выполняютъ всю епитимію. Онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія древнихъ канонѣвъ или былъ такъ же строгъ къ согрѣшающимъ, какъ извѣстный намъ пресвитеръ Хариклій. Преп. Теодоръ однако его оспариваетъ ¹⁾.

Подвижникъ порицаетъ высокомѣріе и неразумную ревность монаха. Далѣе приводитъ рядъ подлинныхъ словъ окружнаго посланія, направленныхъ противъ образа совершенія покаянія. „Такой-то лживо исповѣдался, скрывъ постыдный грѣхъ свой; другой, скрывъ свое постыдное дѣло, рассказываетъ одно вмѣсто другого; какъ же врачующій можетъ сказать, что они получили исцѣленіе“? Преп. Теодоръ сомнѣвается въ возможности, чтобы добровольно пришедшіе на исповѣдь скрывали свои грѣхи. „Всѣ, пишетъ за тѣмъ монахъ Теодоръ, простираютъ ногу выше мѣры, дерзаютъ на

¹⁾ „Какъ дерево языкъ, говорящій, что Христосъ не осмѣливался на это (отпущеніе грѣховъ людямъ) прежде, нежели самъ понесъ все праведное наказаніе, слѣдовавшее по мѣрѣ и по вѣсу правды, и такимъ образомъ—осуждать распоряженія принимающихъ покаяніе, какъ дерзкихъ и высокомѣрныхъ, безъ предварительнаго наказанія по всей строгости правды? Не очевидно ли, что это—осужденіе фарисейскаго ума и приговоръ новаціанскаго безчеловѣчія“.

недозволенное или и стремятся къ высшему... всѣ присвояютъ себѣ превышающее силы ихъ и считаютъ другихъ низшими себя; незаконно и безъ призванія стремятся разрѣшать и связывать и стараются всѣхъ привлечь къ ногамъ своимъ; не хотятъ, чтобы кто-нибудь другой былъ или считался разрѣшающимъ и завидуютъ дѣлающимъ это; принимаютъ только тѣхъ, которыхъ сами разрѣшили, а принявшихъ епитиміи отъ другихъ отверщаются и осуждаютъ за то, что тѣ не къ нимъ прибѣгли и не отъ нихъ испросили прощенія“ ¹⁾. Всѣ эти обвиненія подвижникъ объясняетъ просто завистью монаха, который не пользовался популярностью и самъ не имѣлъ покаянной практики ²⁾.

Изъ приведенныхъ выдержекъ посланій двухъ Θεодоровъ можно видѣть, какъ организована была покаянная дисциплина среди иконопочитателей—студитовъ, къ которымъ принадлежали не одни монахи, но и епископы съ пресвитерами,—среди студитовъ, боровшихся съ иконоборствомъ именно этимъ пастырскимъ средствомъ. Исповѣдь и покаяніе были добровольныя. Разрѣшеніе давалось вслѣдъ за исповѣдью и до окончанія епитимійнаго срока и предписанныхъ подвиговъ. Строго соблюдалось правило о единствѣ лица, налагавшаго епитимію и разрѣшавшаго,—о единствѣ духовнаго отца. Къ сожалѣнію не достаточно ясно, кого считалъ монахъ Θεодоръ незаконно употреблявшими власть вязать и рѣшить, простыхъ ли монаховъ, не имѣвшихъ священнаго сана, но такимъ онъ былъ самъ и видимо претендовалъ на покаянную практику среди мірянъ ³⁾, или — епископовъ и священниковъ недостойной жизни, какъ учили объ этомъ Оригенъ, Нилъ Синайскій, Исидоръ Пелусіотъ и

¹⁾ Πάντες ἑαυτοῖς ἐπιτρέπουσι τὰ ὑπὲρ δύναμιν, καὶ ἡγίονας ὑποῦνται τοὺς ἄλλους· καὶ τῷ λύειν καὶ δεμνεῖν ἀσχετῶς καὶ ἀκλήτως ἐπιτρέχουσι· καὶ πάντας φιλονεικοῦσι πρὸς τοὺς οἰκείους ἔλκειν πόδας· καὶ μηδένα ἕτερον τὸν λόγον ἢ εἶναι, ἢ νομίζεσθαι θέλονσι· καὶ φθοροῦσι τοῖς τὰ τοιαῦτα πράττονσι· καὶ τοῖς τοῖς μόνους θέχεσθαι, οὓς αὐτοὶ λελύχαι· τοὺς δὲ ἑφ' ἑτέρων τετυχηκότες ἐπιτιμῆσιν, ἀποστερεφθεῖν καὶ ἐγκαλεῖν· ἐπεὶ μὴ πρὸς αὐτοὺς δεδομῆκασι καὶ παρ' αὐτῶν ἡτήσαντο τὴν ἄφεσιν (срл. 1513).

²⁾ Конецъ письма не имѣетъ отношенія къ вашему вопросу и потому опускается.

³⁾ Преп. Θεодоръ обращается къ нему: „Эти обвиненія — изобрѣтенія бѣсовскаго ума и произволенія завистливаго сердца, такъ какъ никто не прибѣгаетъ къ намъ за полученіемъ епитиміи по недовѣрію“...

Псевдо-Діонисій, или, что намъ представляется болѣе вѣроятнымъ по всему ходу разсужденій посланій Θεодора монаха и Θεодора Студита,—и монаховъ и пресвитеровъ, которые не заявили себя исповѣдниками иконопочитанія. Ревностный защитникъ иконопочитанія, намъ кажется, въ исповѣдничествѣ видѣлъ и источникъ власти ключей.

Изъ разобраннаго и еще другого письма Студита къ тому же Θεодору монаху выходитъ, что уже въ то время у студитовъ довольно прочно организовалась, если можно такъ выразиться, *духовная семья*,—нравственно-бытовой союзъ отца духовнаго съ своими духовными дѣтьми. Изъ перваго письма мы видѣли, что соблюдалось правило о единствѣ духовнаго отца, сообщавшее нравственную крѣпость духовной семьѣ. Изъ втораго письма ясно, какой характеръ носили епитиміи, налагаемыя духовными отцами. Строгій монахъ обвинялъ преп. Θεодора Студита за неправильное наложеніе епитимій. Подвижникъ оправдывается. „Назначая епитиміи по принужденію отъ самаго перваго дня, и притомъ изъ заключенія подъ стражею посредствомъ писемъ,—ибо посредствомъ писемъ же просили объ этомъ монахи и священники,—я отвѣчалъ не въ видѣ опредѣленія, а въ видѣ совѣта отъ меня касательно епитиміи. Почему? Потому, что я не іерархъ, но священникъ, дѣлающій внушенія своимъ ученикамъ, другимъ же нѣтъ ¹⁾, а, какъ сказано, предлагающій имъ свое мнѣніе до времени мира съ тѣмъ, чтобы тогда принять то, что будетъ опредѣлено святѣйшимъ патріархомъ, съ утвержденія святаго собора, къ увеличенію епитиміи или уменьшенію. И, думаю, я поступилъ не несправедливо, простирая челоуѣколюбиво руку падшимъ, впрочемъ не присвоая себѣ власти, что было бы нелѣпо“ ²⁾. Итакъ власть духовнаго отца, въ данномъ случаѣ священника, ограничивалась семьею учениковъ, не простираясь далѣе. Границы духовной семьи опредѣляли слѣдовательно границы духовно-отеческой власти. Притомъ же эта власть была чисто нравственная: духовный отецъ налагалъ епитиміи на своихъ учениковъ, какъ совѣтъ, а не какъ принудительную заповѣдь. Слѣдовательно покаяніе,

¹⁾ *Διὰ τί; ὅτι οὐχ ἱεράρχης ἐγώ, ἀλλ' ἱερεὺς, πρὸς μὲν τοὺς οἰκείους μαθητὰς νομοθετικῶς (вар. νομοθετικῶς) ἀγόμενος· πρὸς δὲ ἄλλους οὐχ οὕτως.*

²⁾ *Migne P. G. XCIX, 1472—1473; p. n. II, 377—379.*

какъ и исповѣдь, было добровольное. Епитиміи были „различныя по различнымъ грѣхамъ“. Въ данномъ случаѣ преп. Θεодоръ отмѣчаетъ только тѣ, которыя онъ налагалъ на клириковъ изъ монашествующихъ, уклонившихся въ ересь. „Священникъ или діаконъ, пишетъ Студить, обличенный или въ подписи ¹⁾ или въ общеніи съ еретиками, долженъ быть совершенно отлученъ отъ священства, равно какъ и отъ причащенія, а по исполненіи епитиміи причащаться святыхъ Таинъ, но отнюдь не священнодѣйствовать до самаго собора; благословлять же или молиться можетъ какъ обыкновенный монахъ, а не священникъ, и притомъ по исполненіи епитиміи“. Изъ приведенныхъ словъ видно, что для клириковъ преп. Θεодоръ употреблялъ какъ особую дисциплину (запрещеніе священнослуженія), такъ и общую (епитиміи). Но послѣднее допустимо только въ монастырской покаянной дисциплинѣ ²⁾. Уже было отмѣчено, что, оправдываясь отъ упрековъ монаха, подвижникъ ссылается на авторитетъ патріарха и епископовъ. Очевидно дѣло покаянной дисциплины, черты которой мы собрали, было санкціонировано церковной властью. Но всѣ указанныя нами черты мы уже встрѣчали въ старческой исповѣди. Становится несомнѣннымъ, что теперь, въ смутную эпоху иконоборства перенесена была въ мірскую среду какъ монастырская исповѣдь, такъ и старческое пастырство. *Нарождается въ восточной церкви институтъ духовничества и тайной исповѣди въ той формѣ, въ какой они существовали потомъ цѣлые вѣка и существуютъ въ значительной степени и до нынѣ.* Для этого выпалъ очень благоприятный моментъ, когда торжествующее иконоборство объединило партію студитовъ съ православной іерархіей и патріархъ-исповѣдникъ предоставилъ даже простымъ православнымъ монахамъ принимать исповѣдь и покаяніе мірянъ. Едва ли возможно прослѣдить, насколько эта покаянная духовно-отеческая практика монаховъ—иконопочитателей содѣйствовала торжеству

¹⁾ Здѣсь разумѣется подпись подъ указомъ импер. Льва Армянина (813—820). Указъ предписывалъ іерархіи, духовенству и монахамъ хранить молчаніе по спорному вопросу о почитаніи иконъ. Подъ этимъ указомъ подписалось немало иконопочитателей, не обладавшихъ мужествомъ преп. Θεодора Студита. *Преображенскій*, о. с. 186—187.

²⁾ См. Испов. и покаян. въ др. монаст. Востока, Б. В. 1905 г. апр. 735—736.

православія, но и отрицать ея крупное значеніе мы не имѣемъ ни малѣйшаго права.

Студиты принадлежали къ ревнителямъ строгаго каноническаго порядка. Между тѣмъ въ ихъ средѣ возникло такое антиканоническое явленіе, какъ покаянная практика не имѣющихъ священнаго сана монаховъ совершенно на ряду съ практикой епископовъ и пресвитеровъ. Какъ это понять и объяснить? Намъ кажется, прежде всего объясненію описаннаго явленія могутъ помочь воззрѣнія на монашество преп. Θεодора, главнѣйшаго представителя студитовъ. Взглядъ Θεодора на монашество, какъ это отмѣчалось и ранѣе, самый возвышенный. Слѣдуя вполнѣ Псевдо-Діонисію Ареопагиту, монашеское постриженіе онъ называлъ таинствомъ и приравнивалъ его къ крещенію. „Чинъ ангельскій“—монашество занимаетъ первенствующее положеніе въ церкви. Строгій ревнитель и исповѣдникъ иконопочитанія, преп. Θεодоръ возлагалъ особенныя надежды на монашество въ борьбѣ съ ересью и справедливо: онъ воочію видѣлъ въ монашествѣ опору истины и православія. Монахи обязаны страдать и терпѣть для Бога, если отреченіе ихъ отъ міра истинно и нетщето. Они—примѣръ для мірянъ. Монахи—соль земли, „свѣтъ Византіи, или, можно сказать, всего міра“ ¹⁾.

Придавая такое значеніе монашеству и возлагая на него самыя высокія надежды, преп. Θεодоръ совершенно естественно пришелъ къ мысли, что во время иконоборческой смуты или бури православные монахи вполнѣ могутъ, даже обязаны заниматься покаянной практикой, налагать на обращающихся отъ ереси епитиміи и очевидно осуществлять апостольское право вязать. Мы уже знаемъ, что епитиміи, наложенной простымъ монастырскимъ старцемъ, преп. Θεодоръ придавалъ значеніе равное епитиміи канонической, признавалъ ее „неизмѣнной и непоколебимой“ ²⁾. Далѣе. Его спрашивали пресвитеръ Иларіонъ и монахъ Евстратій: „имѣютъ ли они власть назначать епитиміи?“ Пресвитеръ могъ сомнѣваться въ этомъ правѣ, потому что въ древней церкви

¹⁾ *Migne*, P. G. XCIX, Lib. I, ep. 39, 28. Lib. II, ep. 65; p. n. I, 254—204; II, 186.

²⁾ См. Испов. и пок. въ др. мон. Вост. Б. В. 1905 г. апр. 743—746.

полномочнымъ совершителемъ покаянія признавались лишь епископы; еще понятнѣе сомнѣнія монаха. Подвижникъ даетъ любопытный отвѣтъ. „Выше сказано, что имъ можно назначать ее. Но такъ какъ вопросъ выражаетъ, должно ли и не имѣющему священства назначать ее за отсутствіемъ пресвитеровъ и по вѣрѣ приступающаго, то (скажу, что) *не противно правиламъ и простому монаху назначать епитимию*“ ¹⁾. „Отсутствіе пресвитеровъ“ можно здѣсь понимать въ смыслѣ недостатка православнаго священника, такъ какъ извѣстно, что Θεодоръ Студитъ не позволялъ никакого общенія съ еретиками и прямо предписывалъ совершать крещеніе монаху или даже мірянину, если не найдется православнаго священника, *ибо по нужди и закону претъненіе бываетъ* (Евр. VII, 12) ²⁾. Можно бы думать, что, допуская исповѣдь предъ непосвященными монахами, преп. Θεодоръ требовалъ отъ послѣднихъ по крайней мѣрѣ внутренняго полномочія, духовности—обладанія рядомъ даровъ духовныхъ. Но та же нужда и тѣснота переживаемаго времени подсказывала ему быть не такъ требовательнымъ и въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ въ трактатѣ „Объ исповѣди и разрѣшеніи грѣховъ“, надписанномъ именемъ преп. Θεодора Студита, говорится: „если игумены покажутся и недостаточно духовны, не соблазняйся. Ибо не неправденъ Богъ, смилившій души вѣрою и незлобіемъ, чтобы быть (имъ) обольщенными совѣтомъ и судомъ игумена, еслибы обольщенные случились и неразумны“ ³⁾. Такимъ образомъ какъ въ этомъ правилѣ, такъ и въ приведенномъ выше отвѣтѣ преп. Θεодора рѣшающую роль въ смыслѣ значимости исповѣди и покаянія предъ простымъ монахомъ или игуменомъ имѣетъ настроеніе кающагося,—его вѣра и незлобіе. Неизвѣстно, раздѣляли ли эти воззрѣнія на монашество и монашеское постриженіе другіе студиты. Но очень вѣроятно, что среди нихъ именно вслѣдствіе описаннаго выше антагонизма восточнаго монашества въ отношеніи къ іерархіи появились представленія о томъ,

¹⁾ Migne P. G. XCIX, 1853. Lib. II, ep. 215. Προείρηται γὰν τοῖς ἀνοτέρω, ὅτι χρὴ, δίδοναι. Επεὶ δὲ ἐμφαίνει ἡ ἐρώτησις, εἰ δεῖ καὶ τὸν μὴ ἔχοντα ἱερωσύνην, δίδοναι κατὰ ἀπορίαν πρεσβυτέρων, καὶ πιστὴν τοῦ προσιόντος οὐκ ἔξω τοῦ εἰκότος, καὶ τὸν ἀπλῶς μοναχὸν ἐπιτίμια δίδοναι. P. n. II 601.

²⁾ Migne, ibid. 1192. Lib. II, ep. 24; p. n. II, 82.

³⁾ Migne, P. G. XCIX, 1721.

что монашескій классъ и есть отнынѣ призванный совершитель таинства покаянія, ставшій рядомъ съ учащей іерархіей. Такое представленіе превосходно выражается въ одной редакціи Намоканона Іоанна Постника. „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Божій... далъ въ помощь (христианамъ, борющимся съ діаволомъ) законъ, поставилъ ангеломъ стражей, послалъ пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, іереевъ для духовнаго наученія; монаховъ въ свою очередь для увѣщанія, для исповѣди къ нимъ съ покаяніемъ“¹⁾.

Такъ случилось, что простые монахи, монастырскіе старцы или духовные отцы признаны были оффиціально, православнымъ патріархомъ, вѣроятно Никифоромъ Исповѣдникомъ, какъ носители апостольской власти ключей, осуществители права вязать и рѣшить, наравнѣ съ епископами и пресвитерами. Это произошло въ первой четверти IX в. въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Мѣра была временной, вызывалась нуждой и должна была подлежать отмѣнѣ по миновеніи послѣдней. Но въ монашеской средѣ вслѣдствіе давнишняго антагонизма съ іерархіей истолковали ее въ смыслѣ уступки іерархическаго права монашескому классу. Мѣра эта принята была въ интересахъ преслѣдуемаго православія и только до православнаго собора. Но, насколько намъ извѣстно, ближайшій православный соборъ не воспретилъ этого антиканоническаго обычая, онъ обошелъ его полнымъ молчаніемъ. И, воспользовавшись этимъ упущеніемъ, монашество развило свою покаянную практику среди мірянъ очень широко и скоро фактически вытѣснило исповѣдь церковную. Мы вовсе же хотимъ этимъ сказать, что въ восточной церкви того времени совершителями покаянія были одни простые, непосвященные монахи, которые вмѣсто церковнаго покаянія практиковали старческое, что въ церкви на время фактически прекратилось совершеніе таинства покаянія. Мы утверждаемъ только, что настало такое время, когда совершителями покаянія въ церкви стали монахи, *духовные отцы въ общемъ смыслѣ слова*, — т. е. епископы изъ монаховъ, іеромонахи и монахи, не имѣющіе священнаго сана. И тѣ и другіе и третьи создали новую покаянную дисциплину, болѣе близкую къ древней монастырской, чѣмъ къ дисциплинѣ церковныхъ каноновъ.

¹⁾ Morinus, Comment. de discipl. poenitentiae, стр. 91: *μοναχοὺς δὲ πάλιν τὸ παρακλῖν τὸ ἐξομολογεῖσθαι εἰς αὐτοὺς μετανοίας.*

Какъ это произошло,—почему древняя покаянная дисциплина церкви уступила мѣсто другой, близкой къ монастырской, почему монашество окончательно вытѣснило бѣлую іерархію и клиръ въ дѣлѣ исповѣди и покаянія,—какъ мѣстная и временная мѣра одного патріархата распространилась по всему православному Востоку, объ этомъ мы надѣемся вести рѣчь послѣ

С. Смирновъ.

